

разуму словесные картины; но поелику живопись касается души пособием чувства, то кажется, что сие средство есть надежнейшее для возбуждения оной».

«Сила живописи простирается в нас более нежели сила поэзии, потому что живопись действует посредством чувства зрения, которое вообще имеет больше власти над душею нежели прочие чувства и затем, что она глазам нашим представляет самую натуру. В рассуждении чего и Гораций говорит: все что входит слухом имеет должайший путь и трогает нас гораздо меньше нежели входящие посредством глаз, кои суть свидетели паче надежные и верные».¹

В числе подписавшихся на издание этой книги значится Н. А. Львов, заказавший 5 экземпляров для себя и 12 «для других».

На той же точке зрения стоит и конференц-секретарь Академии художеств Петр Чекалевский, издавший в 1792 г. «Рассуждение о свободных художествах».

«Живопись более стихотворства имеет силы над людьми, потому что она действует посредством чувства зрения, которое больше других чувств имеет власти над душой нашею».³

Естественно, что поэзия в ту эпоху стремилась стать картинной, чтобы наиболее сильно воздействовать на читателя. Державин в своем «Рассуждении о лирической поэзии» (1811) уделяет много внимания вопросам поэтической «картинности».

«В превосходных лириках всякое слово есть мысль, всякая мысль картина, всякая картина чувство, всякое чувство выражение, то высокое, то пламенное, то сильное, или особую краску и приятность в себе имеющее. . .»⁴

«Олицетворение и оживление суть главнейшие свойства поэзии. Она все существа моральные и духовные, не имеющие образа. . . олицетворяет и оживляет, дабы понятнее представить через то, сотворяемый ею так-сказать, новый волшебный, очаровательный мир. . .»

«. . . Блестящие, живые картины, то-есть с природою сходственные виды, которые мгновенно мягких или чувствительных людей поражают воображение и производят заочно в них фантазию (мечты) или фантастические чувства. Картины сии в лирической поэзии (не говоря о эпической) должны быть кратки, огненной кистью или одною чертою величественно, ужасно или приятно начертаны».⁵

«Сравнения и уподобления суть иероглифы, или немой язык поэзии. Поелику она по подражательной способности ничто иное есть, как говорящая живопись: то и сравнивает два предмета чувственным образом между собою. . .»⁶

¹ Понятие о совершенном живописце и т. д., стр. II.

² Там же, стр. 3.

³ П. Чекалевский. Рассуждение о свободных художествах, 1792, стр. 103.

⁴ Собр. соч. под ред. Я. Грота, т. VII, стр. 523.

⁵ Собр. соч. под ред. Я. Грота, т. VII, стр. 550.

⁶ Там же, стр. 564.